Тихий Дон.

роман

часть пятая.

Глубокой осенью 1917 года стали возвращаться с фронта казаки. Прищел постаревший Христоня и еще трое казаков, служивших с ним в 52 полку, вернулись отставший по хворой, по прежнему голощекий Аникушка, батарейцы Емельян Иван и Яков Ягодка, за ними - Мартын Шамшин, Иван Алексеевич, Захар Королев, нескладно-длинный Бобрцев; в декабре неожиданно заявился Митька Коршунов, спустя неделю - целая партия казаков, бывших в 12 полку: Мишка Кошевой, Прохор Зыков, сын старика Кашулина Андрей Кашулин, Егифан Максаев, Степанов внук. На красивейшем буланом коне, взятом у австрийского офицера, приехал прямо из Воронежа отставший от своего полка калмыковатый Федот Бодовков, и после долго рассказывал, как пробивался он через взбаламученную революцией деревню Воронежской губернии и ухитрился уйти под носа красногвардейских отрядов, поласкав напоследок своего коня. Следом за ними явились уже из Каменской бежавшие из обольщевичонного 27 полка Мелеров, Петро Мелехов и Николай Кошевой. Они-то и принесли в хутор известие, что Григорий Мелехов, служивший последнее время во 2-м запасном полку, перешел на сторону большевиков, остался в Каменской. Там - не в 27 полку пристроился бесшабашный - в прошлом - конокрад Максимка Грязнов, привлеченный к большевикам новизной наступивших смутных времен и возможностями привольно пожить. Говорили про Максимку, что обзавелся он - черт его знает, где добыл - доныне невиданной уродливости, и столь же невиданной злой резвости; говорили, что у Максимкиного коня через всю спину протянулась природная, серебряной шерсти ремень, а сам конь невысок, но ладен и масти прямо-таки вычищенно-красной. Про Григория мало говорили; не хотели говорить, зная, что разбились у него с хуторянами пути, а сойдутся ли вновь - не видно.

Куреки, куда вернулись казаки хозяевами, или желанными гостями, полнились радостью. Радость-то эта резче, безжалостнее подчеркивала глухую притаившуюся тоску тех, кто навсегда потерял родных и близких. Немногие не досчитывались казаков, растерялись они на полях Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, припорошенных, румяных, трубами легли и истлели под чужедальней панихиду, и теперь, позаросли бурьянами высокие холмы братских могил, прошелестело по ним дождями, позамело свирепыми снегами и сколько не будут простаивать казачки вечерами на проулки и глядеть из-под ладошек - не дождутся милых сердцу, сколько не будет из отпусков